

Тур Евгения

**Повести и рассказы Сочинение
Евгении Тур. I-IV**

Ошибка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгения Т.**
Повести и рассказы Сочинение Евгении Тур. I-IV: Ошибка / Тур Евгения – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 221 с.

ISBN 978-5-519-77880-0

ISBN 978-5-519-77880-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Дѣло было къ вечеру. Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, на углу одного изъ тѣхъ московскихъ переулковъ, которыхъ имя такъ мало извѣстно, что къ нимъ прибавляютъ на адресахъ слово *близъ*, сидѣли, въ началѣ осени, у окошка, на двухъ плетенныхъ стульяхъ, молодой мужчина и молодая женщина. Въ комнатѣ была тишина и полусвѣтъ сумерекъ; стулья ихъ были сдвинуты близко; оба они молчали, но на лицахъ ихъ можно было прочесть, еслибъ кто вошелъ въ комнату, что они влюблены другъ въ друга. Они казались однихъ лѣтъ; лицо ея, съ перваго взгляда, не бросалось въ глаза ни красотой линій, ни тонкостію чертъ, не поражало выраженіемъ, — словомъ, въ ея лицѣ не было рѣшительнаго характера. Каштановые волосы были безискусственно свиты въ кольцо и приколоты на вискахъ черепаховой

шпилькой ; большіе сѣрые глаза ея въ это время смотрѣли въ тусклое окно и выражали какой-то томный покой и тихое мечтаніе. Объ ея лицѣ можно было сказать только одно, что въ немъ много гармоніи ; небольшой, но и неправильный носъ, нѣсколько поднятый къ верху, не достигалъ однако до того выраженія причудливаго кокетства, которое придаетъ столько неуловимой игры лицу брюнетки, которая вся блескъ и вся жизнь и, кажется, вызываетъ васъ безпрестанно на капризную борьбу любви и сулитъ вамъ сомнительную побѣду. Небольшой ея ротъ противорѣчилъ всѣмъ правиламъ пластической красоты, потому-что его нижняя губка была немного толста и подавалась впередъ. Словомъ, разбирая это лицо черту за чертою, надо было сознаться, что онѣ всѣ неправильны ; но все вмѣстѣ было такъ мило. Не сердитесь на меня, читатель мой, что я по-видимому хочу такъ долго описывать лицо моей героини ; но если бы вы ее видѣли, вы сами увлеклись бы и описали намъ, можетъ быть, еще подробнѣе эту простую фizioномію, въ которой не было ничего замѣчательно прекраснаго или поразительнаго характернаго, но гдѣ все было такъ стройно, такъ тихо, такъ покойно. Простое синее шерстяное платье, съ высокимъ воротомъ, было стянуто вокругъ тонкой, но нѣсколько худощавой таліи черной лентой со стальной пряжкой. Она была мала ростомъ — и маленькія ручки ея лежали крестомъ на колѣняхъ. — она была погружена въ себя. Онъ сидѣлъ противъ нея и глядѣлъ не нее ; онъ былъ высокъ ростомъ, хорошъ собою, и о немъ можно было сказать только : какой молодецъ ! Да это и часто случалось ему

слышать, когда онъ шелъ по бульвару или выходилъ изъ театра, или когда прохаживался объ руку съ маской на балѣ. Онъ глядѣлъ на нее съ нѣжностію, и видно было, что если она погружена въ себя, то онъ занятъ только ею. Глаза его то подымались на ея лицо, то спускались на ея маленькія ручки, которыми онъ долго любовался. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе.

— О чемъ ты такъ долго думаешь? Болѣе четверти часа, какъ ты даже и не глядишь на меня: а мать твоя скоро воротится домой, и при ней намъ поговорить искренно не удастся.

— Я думаю, мой другъ, сказала она тихо и медленно: — я думаю, что такое счастье не суждено мнѣ.... Нѣтъ, я не могу придти въ себя, я не могу повѣрить, я не могу вообразить, чтобы послѣ такого долгаго ожиданія, послѣ такой долгой борьбы, такихъ страшныхъ разлукъ и тяжелаго томленія врозь, я могла бы быть твоею. Для чего ты даешь мнѣ эту надежду? — этого невозможно, этого быть не можетъ.

Онъ взялъ ея обѣ руки.

— Другъ мой! мнѣ жаль тебя. Душа моя, какъ мы всѣ, не исключая и меня, тебя мучили, какъ ты страшно провела жизнь свою, что ты не вѣришь ни мнѣ, ни счастью, ни надеждѣ, когда все это наше, когда я всю жизнь мою отдаю тебѣ. Не гляди на меня такъ грустно. Дай же я повторю тебѣ все: да, мой другъ, оно со мною, письмо это, оно здѣсь; маменька соглашается на мою женитьбу... найди же въ себѣ довольно вѣры, чтобы отдохнуть послѣ столькихъ лѣтъ горя и несчастія.

Она тихо покачала головою и устно грулыбнулась.

— Знаю, мой другъ, знаю что мать твоя пишетъ тебѣ, что по истеченіи зимы этой, уступить твоему желанію жениться на мнѣ, видя твое безуміе и столько лѣтъ постоянства, — что же, больше ничего, больше ни слова! Да къ тому же въ этомъ письмѣ есть что-нибудь такое, чего ты не можешь или не хочешь показать мнѣ, потому-что ты не прочелъ мнѣ его; а у тебя обыкновенно нѣтъ отъ меня ни одной мысли въ тайнѣ.

Онъ покраснѣлъ и послѣ минуты сомнѣнія вынулъ изъ кармана письмо и подалъ ей.

— Не забудь, сказалъ онъ:—это письмо женщины пятидесяти шести лѣтъ, которая всегда жила въ свѣтѣ, которая честолюбива, и прости ей, ангелъ мой.

Она отвела письмо рукой.

— Не надо, другъ мой: я читать не стану; зачѣмъ? Ты сказалъ уже мнѣ его содержаніе.

Слеза повисла на ея рѣсницѣ. Онъ сталъ цаловать руки ея.

— Прочти, прочти, я тебя прошу.... я требую. Если ты не прочтешь этого письма, я не буду въ состояніи успокоить твою недовѣрчивость. Покрайней мѣрѣ, ты узнаешь правду; иначе, я знаю тебя, твое воображеніе будетъ работать, и ты изъ малыхъ и пустыхъ препятствій создашь себѣ новое мученіе и предположишь больше нежеланія у маменьки видѣть тебя моей женой, нежели есть на самомъ дѣлѣ. Прочти, я прошу тебя, сказалъ онъ тверже, глядя ей въ глаза умоляющимъ взоромъ.

Она взяла письмо и развернула его дрожащей рукой. Письмо было такого содержания:

«Милый другъ Александръ, долго не отвѣчала я тебѣ, потому-что письмо твое хотя и не удивило меня, но конечно опечалило. Я знаю, все, что я тебѣ стану говорить, будетъ совершенно бесполезно. Старыхъ людей мало слушаютъ, особенно, когда дѣло идетъ о любовномъ капризѣ. Я вижу тебя отсюда, и какъ ты наморщилъ брови, прочитавъ слово: капризъ; а все-таки не могу перемѣнить его и остаюсь при моемъ мнѣніи. Ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно: ты уже не мальчикъ; слѣдственно, если ты не остепенился теперь, то вѣроятно надежды на это впереди очень мало. *«Всякій воленъ дѣлать изъ жизни своей, что онъ хочетъ»* пишешь ты мнѣ; я въ этомъ съ тобою вовсе несогласна, и долгъ матери заставляетъ меня, уступая твоему желанію, показать тебѣ всю твою опрометчивость. Ты также говоришь мнѣ, въ своемъ письмѣ, что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ ты страстно любишь Ольгу Николаевну и рѣшился наконецъ жениться на ней, несмотря ни на какія препятствія, въ заключеніе чего ты просишь моего благословенія. Когда ты такъ твердо рѣшился жениться на ней, то для чего и просить моего благословенія—для формы развѣ? — пожалуй хоть и такъ, и за то спасибо. Тебѣ двадцать восемь лѣтъ, ты стало быть совершеннолѣтній, состояніе твое устроено; ты имѣешь двѣ тысячи незаложенныхъ душъ, которыя тебѣ остались отъ отца; слѣдственно отъ меня уже никакъ не зависишь. Конечно, мать, которая ходила за тобою въ дѣтствѣ, провела большую часть второй молодости

запершись въ деревнѣ, чтобы упрочить будущее твое состояніе, не вышла опять за-мужъ, чтобы не раздѣлить ни съ кѣмъ другимъ привязанности, обращенной на одного тебя, заслужила, можетъ быть, больше, чѣмъ эту сухую фразу о благословеніи. Но довольно объ этомъ. Дѣлай что хочешь, только позволь мнѣ въ такую важную эпоху твоей жизни высказать тебѣ мое мнѣніе вполнѣ и замѣтить тебѣ; какъ ты простодушно искажаешь прошедшее, чтобы прикрасить настоящее. Ты говоришь, что любишь ее восемь лѣтъ. Гдѣ же любовь эта? въ чемъ она выказалась? И когда же ты любилъ ее? ты зналъ ее съ дѣтства, вы однихъ лѣтъ, что, мимоходомъ сказать, составляетъ большое неудобство для супружеской жизни. Осьмнадцати лѣтъ вы вздумали въ одно прекрасное утро или вечеръ полюбить другъ друга; разумеется, изъ этого вышло то, что Елисавета Ивановна, пользуясь дальнимъ родствомъ, которое существовало между нами, пожелала пристроить дочь и отдать ее поскорѣе за богатаго мальчика, который притомъ имѣлъ значительное имя, если не знатное, то по крайней-мѣрѣ не то мѣщанское имя Ѳедоровой, которое она приняла вмѣстѣ съ замужествомъ, надѣлавшимъ въ мою пору столько шума. Дѣйствительно, чтобы княгинѣ Горскиной выйти за Ѳедорова, надо было имѣть голову на-выворотъ. Но это дѣло прошло, и я о немъ говорить больше не стану, а ты самъ знаешь все это. Проживши такъ долго въ бѣдности и скукѣ, съ двумя дочерьми, которыхъ едва могла воспитать, она должна была безъ мѣры обрадоваться твоей нелѣпой любви; но она сочинила свои планы, забывши про меня. Тебя дядя увезъ въ Петербургъ,

гдѣ ты вступилъ въ юнкера, потомъ ты вышелъ въ Кавалергардскій полкъ, и если ты служилъ восемь лѣтъ, веселясь всегда и кое-когда имѣя значительные успѣхи въ свѣтѣ, то мнѣ, несмотря на все мое желаніе, трудно найти въ этой жизни тяжкіе слѣды неутѣшной страсти. Тогда ли она томила тебя, когда ты публично содержалъ французскую актрису Mlle Dèsirée, которая мимоходомъ сказать, стояла тебѣ столько денегъ, или тогда, когда ты былъ отъявленнымъ поклонникомъ, а впоследствии чѣмъ-нибудь больше, у хорошенькой, такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, графини Верде. Правда, и ты видишь, какъ я безпристрастно сужу тебя, ты бывалъ нерѣдко, ремонтеромъ и тогда проводя полъ-зимы въ Москвѣ, возвращался съ удовольствіемъ, для меня не очень понятнымъ, изъ раззолоченныхъ гостиныхъ Петербурга въ маленькій домикъ Оедоровыхъ, гдѣ такъ трогательно разыгрывалъ роль вѣрнаго аркадскаго пастушка или героя изъ романа Августа Лафонтэна, и проводилъ все свободное время въ кругу этого *простого, милаго, добраго семейства*. Я повторяю твои выраженія. Неужели ты думаешь, что въ продолженіе всего этого времени, твоя любезная не желала и не пыталась пристроиться. Я не отнимаю у ней любви ея къ тебѣ; можетъ быть она любила тебя и любить еще; но ты подумай, что въ домѣ она нелюбимая дочь, что мать безпрестанно упрекаетъ ее, что она не замужемъ, что ты ее забудешь и когда-нибудь покинешь, что ко всему этому у нихъ денегъ нѣтъ ни гроша и они едва сводятъ концы съ концами, и при такихъ условіяхъ ты хочешь видѣть въ ней неизмѣнную вѣрность къ тебѣ и не до-

пускать въ ней ни малѣйшаго желанія выйти за мужъ за другаго. Полно, другъ мой! мнѣ жаль тебя, что ты въ твои годы вѣришь еще всѣмъ нелѣпостямъ, которыя разсказываются маменьками и старшими сестрами.

Далѣе въ своемъ письмѣ ко мнѣ ты прибавляешь (вѣроятно, чтобы убѣдить меня): «Она дала мнѣ новое доказательство своей любви ко мнѣ, когда прошлымъ лѣтомъ, несмотря на просьбы и приказаніе матери, отказала рѣшительно Бобкову, который былъ страстно влюбленъ въ нее и имѣеть, какъ вы сами знаете, миллионъ капитала. Я говорю это для васъ, чтобы вы поняли, что для ней деньги ничего не значать. Въ ея понятіяхъ онѣ пужны только для необходимыхъ потребностей жизни; она никогда не знала роскоши и презираетъ ее. Тысячу разъ говорила она мнѣ, что желала бы быть богатой, что обезпечить семью свою и помогать бѣднымъ. Вы не знаете, какая это женщина и сколько въ ней прекрасныхъ стремленій» и проч. и проч. Я далѣе не выписываю экзальтированныхъ фразъ, которыми наполнено все письмо твое.

Теперь я спрошу у тебя: почему ты знаешь на вѣрное, что Бобковъ сватался? развѣ ты былъ съ ними въ это время? Это извѣстныя фарсы матушекъ; мы ихъ, и я первая, не разъ видали на вѣку своемъ. Молодой человѣкъ волочится отъ нечего дѣлать, а изъ него дѣлаютъ тотчасъ отвергнутаго обожателя. Мнѣ тяжело видѣть, что ты такъ простъ и молодъ еще, что самая пошлая надувка находитъ въ тебѣ довѣрчивость мальчика, и доставляетъ тебѣ возможность стать на ходули возвышенныхъ чувствъ и залетѣть на седь-

мое небо; а я стара уже — и не вѣрю. У него миллионъ, говоришь ты; да у тебя столько же, если не больше; притомъ ты Александръ Михайлычъ Славинъ, родня всему, что ни есть знатнаго въ городѣ, и составляешь лучшую партію, чѣмъ Бобковъ съ миллиономъ и незнатнымъ родствомъ. Впрочемъ я буду справедлива и скажу тебѣ, что знаю, что Ольга Николаевна дѣвушка добрая и кроткая, но вотъ и все: — красоты она необыкновенной не имѣетъ, воспитаніе ея не блестящее; что она не очень счастлива, и то правда; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ты былъ счастливъ съ нею. Она никогда не будетъ умѣть занять положеніе въ свѣтѣ, поддерживать съ достоинствомъ твои связи и имя, сдѣлать изъ твоей гостиной одну изъ значительныхъ гостиныхъ города, никогда не будетъ умѣть и не можетъ блеснуть въ свѣтѣ умомъ, красотою и пріятностію свѣтскаго обращенія; а ты, что ни говори, я тебя знаю, ты самолюбивъ — больше, чѣмъ нѣженъ; ты честолюбивъ: доказательство тому, что, несмотря на любовь свою къ ней, не идешь въ отставку, а продолжаешь служить; ты въ восторгѣ отъ ея простоты, а любишь роскошь и тратишь на одного себя болѣе тридцати тысячъ въ годъ; ты сочувствуешь ея гордому презрѣнію къ свѣту и его мелочамъ, а самъ суетенъ, цѣнишь свѣтъ и никогда не идешь противъ общаго мнѣнія и принятыхъ обычаевъ, что впрочемъ весьма благоразумно и естественно. Ты гордъ — и не вынесешь хладнокровно, когда увидишь, что твоя жена по-видимому хуже другихъ и не можетъ войти въ борьбу съ свѣтскими женщинами; а ты безъ свѣта жить не можешь и только на словахъ пренебрегаешь имъ,

такъ, по какой-то привычкѣ, усвоенной тобою въ молодости, неизвѣстно какъ и почему; въ доказательство, скажу тебѣ, что хотя ты и влюбленъ, а всякую ночь на балѣ, гдѣ, вѣроятно, не вздыхаешь и не грустишь, а просто любезничаешь и веселишься. Все это бредъ. Повѣрь мнѣ, что женщина, которая прожила двадцать семь или восемь лѣтъ въ мѣщанскомъ быту, которая не красавица, не имѣетъ аристократическихъ привычекъ и никакого понятія о свѣтскихъ условіяхъ и ко всему этому застѣнчива и не обладаетъ даже тайною одѣваться съ искусствомъ, не можетъ имѣть никакого успѣха въ обществѣ. Успѣхъ въ немъ есть умѣнье и расчетъ; его можно достигнуть безъ красоты, безъ большаго ума, но надо умѣть достигнуть его: все заключается въ умѣньи. Откуда она возьметъ его? Притомъ она Федорова, и свѣтъ приметъ ее въ завѣтный кругъ свой потому только, что она жена твоя. Сначала ей надо будетъ только стараться поддержать себя въ немъ на должной ногѣ. Смѣтри, сколько причинъ для полнаго ничтожества въ обществѣ, и ни одной для успѣха. Я нисколько не противлюсь: — женись, если хочешь этого, во что бы то ни стало; но, повѣрь мнѣ, избѣгай ранъ раздраженнаго самолюбія: живи смирно и тихо, отклонись отъ прежней шумной жизни въ кругу товарищей и модныхъ женщинъ и не мечтай напрасно о безконечныхъ восторгахъ и несбыточныхъ надеждахъ на какую-то пышную и поэтическую жизнь вдвоемъ, соединенную со всей суетой тщеславія, когда тебѣ вздумается ввести жену твою въ гостиныя, о которыхъ она и понятія не имѣетъ. Поздно ей въ двадцать восемь лѣтъ привыкать ко